

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАРАСОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)  
nsova74@mail.ru

### ЧЕРНОВЫЕ ЗАПИСИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О НЕКРАСОВЕ: УТОЧНЕНИЕ ТЕКСТА\*

Статья посвящена исследованию черновых рукописей «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 год и, в частности, записей о Некрасове. В работе рассматриваются графологический и лингвотекстологический аспекты изучения рукописного текста, определяются методологически значимые условия чтения и понимания рукописного текста Ф. М. Достоевского. К ним относятся сопоставление орфографических характеристик с особенностями почерка; исследование пунктуации записи; принцип контекста; установление смысловых противоречий в публикациях рукописей. Анализ материала позволяет восстановить по первоисточникам подлинный авторский текст.


Ключевые слова: творчество Достоевского, текстология, история текста

Текстологическое изучение рукописей Ф. М. Достоевского обнаруживает смысловые ошибки чтения в публикациях рукописного текста, влияющие на понимание авторских идей. Текст многих черновых заметок писателя нуждается в уточнении. Таковы наброски к «Дневнику писателя», объединенные одной темой.

В черновиках к декабрьскому выпуску «Дневника писателя» за 1877 год появляются размышления о творчестве Н. А. Некрасова, на известие о смерти которого откликается Достоевский. В публикации этих записей дважды встречаем одинаковую ошибку чтения. Печатный вариант первого наброска в академической публикации (далее – ПСС):

К чему же тогда страдания его. Значит, борьба за существ<ование> или практический взгляд о «Современнике», всё оправдывает. Выше правды связь его. В таком случае искусство для искусства. Не печальник<а> народного горя, а высшего представителя искусства для искусства [1; Т. 26, 193; здесь и далее подчеркнуто мной. – Н. Т].

В рукописном тексте (в наклонных скобках приводится вписанный Достоевским текст, в квадратных – вычеркнутый, в угловых скобках расшифровывается недописанный текст):

/1) К чему же тогда страдания его. Значит борьба за существ<ование> или практический взгляд о Современникѣ все оправдывает. Выше /правды/ слезь его. Въ такомъ случаѣ искусство для искусства./ /2) Не печальник<а> народного горя, а высшаго представителя искусства для искусства. – /<sup>1</sup>/.  


Вместо существительного «связь» необходимо читать «слезь»: в слове, написанном До-

стоевским, нет буквы «я», но имеется сочетание «езъ»; последняя буква не может быть мягким знаком, потому что в ее начертании отсутствует характерный элемент – завиток в ее верхней части, с наклоном вправо: Достоевский пишет «ь», начиная с основного элемента – наплыва, и заканчивает начертание завитком, часто выходящим за границу верхней строки.

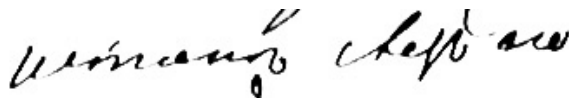
Во втором случае вариант академической публикации следующий:

В чем же главный вопрос, говоря о Некрасове? В том, чтоб поверить его страданию, не актерству, не поэзии, не искусству для искусства (слезный ювелир, слезных дел мастер), но истине. Связь его и страданий его, но чем – я наблюдал, народом очистился [1; Т. 26, 196].

В автографе:

Въ чемъ же главный вопросъ, говоря о Некрасовѣ? Въ томъ, чтобъ повѣрить его страданію, не актерству, не поэзіи, не искусству для искусства (слезный ювелиръ, слезныхъ дѣлъ мастеръ), но истинѣ слезь его и страданій его, но чѣмъ – я наблюдалъ, народомъ очистился<sup>2</sup>.

Здесь также вместо «связь» надо читать «слезь». Основания для такого исправления те же. В публикации, кроме того, нарушены границы предложения – после слова «истине» поставлена точка, тогда как в автографе запись продолжается (и контекст имеет другой смысл):



К этим графологическим доказательствам новых чтений в обоих случаях прибавляются аргументы «от содержания»: контекст записи и развитие данной темы в окончательном тексте. В обеих черновых заметках присутствует антитеза: «практичность», «актерство», «искусство для искусства» – «страдания», «печальник народного горя», «истина слез». Эта антитеза

объясняет суть проблемы, к которой обратился Достоевский: Некрасов, при его репутации практичного человека, все же, по мысли писателя, был искренним в творчестве. В окончательном тексте эта проблема формулируется так:

Вопрос предстоит прямой: был ли наш Некрасов такой же самый актер, то есть способный *искренно* заплакать о себе и о той святине духовной, которой сам лишал себя, излить затем скорбь свою (настоящую скорбь!) в бессмертной красоте стихах и на завтра же способный действительно утешиться... этой красотой стихов. Красотой стихов и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стихов как на «практическую» же вещь, способную доставить прибыль, деньги, славу, и употребить эту вещь в этом смысле? <...> удовлетворялся ли поэт стихами своими, в которые облакал свои слезы, и примирялся ли с собою до того спокойствия, которое опять позволяло ему пускаться с легким сердцем в «практичность», или же, напротив того, – примирения бывали лишь моментальные, так что он сам презирал себя, может быть, за позор их, потом мучился еще горче и больше, и так во всю жизнь... [1; Т. 26, 123–124].

На предыдущем листе рукописи есть набросок, печатный вариант которого также содержит ошибку чтения:

Самоутверждение, эстетику, искусство для искусства [1; Т. 26, 195].

В рукописи:

Самоуспокоение, эстетику, искусство для искусства<sup>3</sup>.

Эта запись имеет непосредственное отношение к рассуждениям о «красоте стихов и только», приведенным выше. В данном случае предложенное чтение подтверждается при помощи тех же средств графологического и контекстуального анализа. Ключевой графический элемент в этой записи, заставляющий усомниться в правильности чтения *ПСС*, – буква «л» с верхней выносной линией; это один из распространенных вариантов ее начертания. Если бы в слове была буква «т», в записи появилось бы иное начертание – с нижней выносной или без выносных линий (варианты «т» в почерке Достоевского). Кроме того, в слове «самоутверждение» есть сочетание «ер», которое отсутствует в автографе. Линия, принятая публикаторами за нижний выносной элемент от «р», – это часть буквы «в» в слове «искусство», записанном строкой ниже. Данный пример показывает, что при анализе начертаний важно разграничивать графические элементы, принадлежащие разным словам.

Среди набросков о Некрасове есть другая запись, прочитанная неточно:

Страсть. Но мы и все такие, только в других меньше силы признаться. Благородство падения несомненного и через факт стихшков и опять страдание за это – два демона – мы все такие, только не так *мерили* [1; Т. 26, 194].

Последнее слово в наброске – не «мерили», а «широки»<sup>4</sup>.

Слово записано не очень четко, с характерным наклоном вниз, появлявшимся в почерке

Достоевского в конце строки и приводившим к большей сжатости письма и недописыванию отдельных буквенных элементов. Эти условия могли повлиять на появление ошибочного чтения. Между тем в этом случае, помимо графических характеристик, имеет значение орфография записи: вариант «мерили» здесь невозможен, так как в данном слове должна быть буква «ять» – в записи она отсутствует. Зато имеются очевидные признаки начальной буквы «ш» – три почти одинаковых по высоте основных штриха. Начальное «м» Достоевский прописывает с крупным завитком, который все-таки не равняется основным штрихам и часто находится на некотором расстоянии от них.

Новое чтение – «широки» – позволяет уточнить понимание записи в целом. Понятие «широкость» объясняет все предшествующие высказывания Достоевского о Некрасове. Слова «широкость», «широкий» в некоторых случаях – когда определяются человек и характер – передают не словарное, а присущее авторскому языку значение, становясь своего рода идеологемами. Приведем наиболее показательные примеры из текстов 1860-х – начала 1880-х годов:

«Ряд статей о русской литературе. II. Г-н -бов и вопрос об искусстве»: «...чем более человек способен откликаться на историческое и общечеловеческое, тем шире его природа, тем богаче его жизнь и тем способнее такой человек к прогрессу и развитию» [1; Т. 18, 99].

«Ответ редакции “Времени” на нападение “Московских ведомостей”»: «...наша (теперешняя русская), заемная европейская цивилизация, в тех точках, в которых она не сходится с широким русским духом, не идет русскому народу» [1; Т. 20, 98].

«Подросток»: «Народ, друг мой, я говорю про народ. Он доказал эту великую, живучую силу и историческую широкость свою и нравственно, и политически» [1; Т. 13, 105]; «А пока лишь скажу одно: пусть читатель помнит *душу паука*. И это у того, который хотел уйти от них и от всего света во имя “благообразия”! <...> ...Я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лезать в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и всё совершенно искренно. Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость – вот вопрос!» [1; Т. 13, 307].

«Дневник писателя» за 1876 год: «...тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли» [1; Т. 22, 8]; «простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом»; «простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» [1; Т. 22, 43, 44] (о народе); «великорусскою широкостью жизни» [1; Т. 22, 97]; «не из милосердия ли и всепрощения и широкости взгляда народного произошло это» [1; Т. 22, 113]; «нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека» [1; Т. 23, 127];

«А я хотел широкости, я хотел привить широкость прямо к сердцу, привить к сердечному взгляду» [1; Т. 24, 13] (слова закладчика из рассказа «Кроткая»).

«Дневник писателя» за 1877 год: «Идеалом славянофилов было единение в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма» [1; Т. 25, 20]; «время раздвоения мысли и широкости, ныне прямолинейной мыслью не проживешь» [1; Т. 25, 134]; «Англичане народ очень, напротив, умный и весьма широкого взгляда» [1; Т. 26, 71]; «Идея воссоединенной Германии широка, величава и смотрит в глубь веков» [1; Т. 26, 91].

«Дневник писателя» за 1880 год: «...ум народа широк» [1; Т. 26, 153].

«Дневник писателя» за 1881 год: «...народ наш широк и умен» [1; Т. 27, 19].

Эти цитаты позволяют определить основные авторские значения понятия «широкость». Идея широкости, в зависимости от объекта авторской оценки, может принимать разные смыслы. Когда речь идет о национальном характере и о русском народе, «широкость» оказывается в ряду понятий с положительной семантикой: *дух, простодушие, честность, искренность, чистота, кротость, незлобие, милосердие, всепрощение, гуманность, веротерпимость, любовь, ум*. Этот ассоциативный ряд, кроме того, указывает на актуальность для автора христианской системы ценностей, с которой и связано восприятие народа. Вместе с тем «широкость» иногда имеет дополнительный оттенок значения, который точнее всего отразил герой романа «Подросток» в строках о «душе паука», о способности человека сохранять в себе «высочайший идеал рядом с величайшею подлостью». Не так прямолинейно, но сходным образом сам Достоевский обозначает в анализируемой черновой записи «широкость» Некрасова, двойственность его характера – «благородство падения» и «страдание за это». В этом случае «широкость» – качество противоречивое, и именно сложность человеческой души пытается отразить автор, используя в черновике соответствующее определение. Из этого и других примеров ясно, что к изучению рукописей Достоевского применимо сказанное о пушкинских текстах: «Целый ряд проблем пушкинского творчества, на первый взгляд порой вполне локальных (например, смысл отдельной строки, выражения, поэтического хода, идеи, отношения и пр.), решение которых часто ищется в ближайшем контекстуальном окружении (в пределах, например, стихотворения, главы, произведения и пр.), на самом деле разрешим лишь в большом или очень большом контексте, или, наконец, в контексте всего корпуса произведений» [2; 151].

Интересно еще одно исправление в тексте набросков о Некрасове – оно существенно меняет суть высказывания. В ПСС:

То это потому, что ты осмелился это сказать, а осмелился потому, что ты был искренен. И совместно ли с ха-

рактером предвозве<стника?> признаваться в своих подлостях? [1; Т. 26, 206].

Если вдуматься в смысл фразы, то возникнут сомнения в ее логичности: слова «предвозвестник» («пророк») и «подлости» могли бы стать частями антитезы, они не сочетаются по смыслу. В рукописи текст выглядит иначе:

То это потому что ты осмѣлился это сказать, а осмѣлился потому что ты былъ искрененъ. И совмѣстимо ли съ характеромъ прод [а]/у/валы признаваться въ своихъ подло<с>тяхъ?<sup>5</sup>

Этот вариант прочтения наброска восстанавливает логику авторского рассуждения и возвращает нас к теме «практичности» как личностной характеристики Некрасова. В окончательном тексте Достоевский смягчает выражения:

Замечу кстати, что для практического и столь умеющего обделывать дела свои человека действительно непрактично было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а стало быть, он, может быть, вовсе был не столь практичен, как иные утверждают о нем [1; Т. 26, 124].

На эту черту повествования указывал Г. С. Померанец, подчеркнув, что некоторые суждения Достоевского о Некрасове в окончательном тексте «Дневника писателя» менее категоричны, чем в черновиках, – например, тема: «Превосходство Пушкина сравнительно с Некрасовым (и как поэта, и как человека): глубокая народность Пушкина, его гражданское мужество и т. д. С другой стороны, резко подчеркиваются те черты творчества Некрасова, которые отталкивали Достоевского. В печатном тексте эта тема (в особенности – в последнем ее аспекте) звучит также приглушенно» [3; 95].

Печатный вариант следующего наброска также содержит ошибки:

Я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не мерю, кто шире, кто выше, по силе гения, по силе худож<ественной> – солнце или же планеты.

Но за Некрасовым бессмертие.

В стихах недостижимой высоты [1; Т. 26, 208].

Вариант автографа:

Я не равняю Некрасова съ Пушкинымъ, я не мѣрю кто шире кто выше.

По силѣ гения<,> по силѣ художе<ственной> солнце и мала<я> планета.

Но за Некрасовымъ безсмертіе.

[Пока слезы]

Въ стихахъ недостижимой высоты<sup>6</sup>.

Это также пример трудного чтения, когда слова записаны автором неразборчиво. В запи-

си союз «и» присоединен к следующему за ним прилагательному «малая», которое к тому же не дописано до конца (начало третьей строки на иллюстрации). При беглом письме соединение слов в рукописном тексте Достоевского – довольно распространенное явление; чаще всего именно союзы и частицы присоединяются к тем словам, перед которыми находятся. В академической публикации сочетание прочитано как «или же», хотя никаких графических признаков «же» в этой записи нет. Ср. с начертанием прилагательного «художественной» в данном примере (начало второй строки на иллюстрации).

Предложенное прочтение наброска находит текстуальное подтверждение в печатном тексте «Дневника писателя»:

Опять-таки, я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем. <...> Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, ма-

лая планета, но вышедшая из этого же великого солнца [1; Т. 26, 118].

Таким образом, графические и языковые характеристики текста как две составляющие его семантики являются также своеобразным инструментарием чтения материала. Каждое поновому прочитанное слово уточняет наше понимание всего контекста записи. Среди основных условий результативного чтения рукописного текста Достоевского назовем подробное изучение фрагментов текста, которые содержат смысловые противоречия; сопоставление орфографических характеристик с особенностями почерка, включающее обязательное знание вариантности начертания одних и тех же букв; исследование пунктуационного оформления записи; точное определение границ того или иного начертания; сопоставление всех записей, в которых разрабатывается одна и та же тема, и анализ трудных чтений с учетом контекста.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-04-00014, и Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> РГБ. Ф. 93/1. 2. 14/10. Л. 1.
- <sup>2</sup> РГБ. Ф. 93/1. 2. 14/10. Л. 2 об.
- <sup>3</sup> РГБ. Ф. 93/1. 2. 14/10. Л. 2.
- <sup>4</sup> РГБ. Ф. 93/1. 2. 14/10. Л. 1 об.
- <sup>5</sup> РГБ. Ф. 93/1. 2. 13. Л. 289.
- <sup>6</sup> РГБ. Ф. 93/1. 2. 13. Л. 290.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1991.
2. Непомнящий В. О Собрании сочинений А. С. Пушкина, размещенных в хронологическом порядке (theoria) // Проблемы текстологии и эдической практики / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; Под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 142–151.
3. Померанц Г. С. Из рукописи «Дневника писателя» // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 82–90. (Серия Литературное наследство; т. 86).

Tarasova N. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

#### DRAFT NOTES OF F. M. DOSTOEVSKY ON NEKRASOV: TEXT CORRECTION

The article deals with the study of the draft manuscript of F. M. Dostoevsky “The Diary of a Writer” (1877) and, in particular, the notes on Nekrasov. The paper examines graphological and lingvotextual aspects of the manuscripts’ study and identifies methodologically important terms of reading and understanding handwritten text of F. M. Dostoevsky. They include comparisons of spelling characteristics with characteristics of handwriting; a study of punctuation; the main principle of context; and definition of semantic contradictions in manuscripts’ publications. The conducted analysis is instrumental in the reconstruction of the author’s original texts.

Key words: Dostoevsky’s work, textual criticism, history of the text

#### REFERENCES

1. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. [Complete works in 30 vol.]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1991.
2. Nepomnyashchiy V. On A. S. Pushkin’s Collected Works lined chronologically (theoria) [O Sbranii sochineniy A. S. Pushkina, razmeshchennykh v khronologicheskoy poriadke (theoria)]. *Problemy tekstologii i editsionnoy praktiki* [The problems of textual criticism and edition practice]. A. M. Gorky Institute of World Literature. Russian Academy of Science. Moscow, OGI Publ., 2003. P. 142–151.
3. Pomerants G. S. From the manuscript of “The Diary of a Writer”. *F. M. Dostoevsky. Novye materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. New materials and research [Iz rukopisi “Dnevnik pisatelya”]]*. Moscow, Nauka Publ., 1973. P. 82–90. (Series “Literary heritage”; vol. 86).

Поступила в редакцию 20.05.2013